

ной веры: „себе же токмо правоверных мяще“.¹ При таких воззрениях стригольников вряд ли будет ошибкой предположить, что они основывали свои общины.

Общины стригольников, вследствие принципиального отрицания ими духовенства, не имели священников. Тезису православной церкви о том, что только лицо, прошедшее через поставление, имеет право на духовное учительство, стригольники противопоставляли утверждение о праве мирян на проповедь и духовное пастырство. Это право они обосновывали ссылкой на апостола Павла, который „и простому человеку повеле учить“.²

Но если и простой человек мог учить, то что было необходимо, чтобы стать учителем? Стефан Пермский в своем „Поучении“, говоря о стригольниках, неоднократно подчеркивает их высокую образованность, указывает, что они изучили „словеса книжные“ и говорили „от писания книжного“.³ Очевидно, эта характеристика относится не ко всей массе стригольников, которые вряд ли могли быть знатоками книжности, а к учителям стригольников. Таким образом, учителем стригольников мог стать всякий, кто имел достаточную образованность, определенные ораторские данные и, кроме того, само собой разумеется, горячую веру. Иными словами, в основе права учительства у стригольников лежал принцип личной правоспособности. Мы не знаем, результатом чего, с точки зрения стригольников, являлась личная правоспособность — результатом божественного предопределения, в силу которого человек имел соответствующие способности и желание изучить „словеса книжные“ и говорить „от писания книжного“, или результатом проявления свободной воли человека. Взгляды стригольников по этому вопросу нам не известны, в общефилософском же плане принцип личной правоспособности может признаваться как с позиций детерминизма, так и с позиций индетерминизма. Но как бы не объяснялась стригольниками личная правоспособность, признание этого принципа все равно означало подчеркивание роли человеческой личности как активного начала.

Можно предположить, что поскольку стригольники признавали человека началом активным, постольку они предъявляли к нему высокие требования. Отсюда у стригольников утверждение строгих норм нравственной жизни. Сами стригольники были людьми высокого нравственности. Это должен был признать даже Стефан Пермский, который строгие нормы поведения стригольников пытается наивно объяснить как лицемерие с их стороны, как средство, к которому они прибегали для привлечения народа: „Таковыи же беша еретицы, постницы, молебницы, книжницы, лицемерницы, пред людьми чисти творящесе: аще бо бы не чисто житье их видели люди, то кто бы веровал ереси их?“.⁴

Одной из обязательных норм поведения каждого истинного христианина стригольники считали нестяжательство, отказ от накопления богатств. Именно эта черта учения стригольников находила, вероятно, особенно горячий отклик у трудового народа и создавала им широкую популярность. Об этом мы можем судить на основании одного замечания Стефана Пермского, сделанного им с явным озлоблением: „О стригольницех же неции безумнии глаголють: «сии не грабятъ и имения ни збирають»“.⁵ За неимением соответствующих указаний в источниках мы

¹ РИБ, VI, № 22, стр. 191—192.

² Там же, стр. 222.

³ См. стр. 109 настоящей статьи.

⁴ РИБ, VI, № 25, стр. 227.

⁵ Там же, стр. 226.